

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВЪ

СТАСС
БАБИЦКИЙ

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ПИКОВЫЙ ТУЗ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б12

Художественное оформление А. Дурасова

Бабицкий, Станислав Александрович.
Б12 Пиковый туз / Станислав Бабицкий. — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с. — (Изобличитель. Имперский
детективъ).

ISBN 978-5-04-159510-4

Летом 1875 года Москва содрогнулась от череды жестоких убийств. В Нескучном саду злодей зарезал уже трех девушек, да не каких-нибудь простушек или мещанок, а фрейлин из свиты императора.

Возле каждой жертвы обнаружили игральную карту — пикового туза. Полиция сбилась с ног. Пришлось обратиться за помощью к бывшему каторжнику, который знает, как мыслят преступники.

Это — частный сыщик Мармеладов, отсидевший немалый срок за убийство. Он вынужден постоянно решать головоломки, чтобы снова не сорваться и не позволить тьме затопить свой разум.

Кто же убийца? Маньяк-одиночка? Или за преступлениями стоит тайное общество? Поди разберись, на что намекает треклятый пиковый туз.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159510-4

© Бабицкий С.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Душегуб из Нескучного сада

I

В конце июля, довольно прохладного, но все же солнечного, среди бела дня, один почтмейстер вышел из своей конторы в Гагаринском переулке и быстрым шагом направился к Пречистенке. Можно даже сказать — побежал. Старался не терять достоинства и степенности, но двигался настолько торопливо, что дважды ронял форменную фуражку.

К груди он прижимал конверт с сургучными печатями. Рука закрывала адрес, но приметливый прохожий сумел бы разглядеть надпись красными чернилами, выходящую слева, из-под большого пальца: «Лично, в собственные...»

Из ворот особняка Холмогорова неожиданно выехала коляска. Ни скрип рессоры, ни ржание лошадей или гиканье извозчика о ее появлении не предупредили. Почтмейстер шарахнулся в сторону и в третий раз уронил фуражку, которая покатилась, подскакивая на брусчатке. Помятая лукавого со всей его рогатой родней, он бросился следом, точно юный гимназист. А ведь не мальчик, намедни стукнуло сорок лет. Усищи вон какие, в половину лица, отращивать начал еще в молодости, когда служил в кавалерийском полку. Впрочем, как приговаривает его квартирная хозяйка: не в усах честь, оне и у мыша есть...

Поймал беглянку, нахлобучил на голову плотно, аж козырек на глаза съехал. Из-под фуражки выбивались кудри — не те разлетающиеся по ветру романтические завитушки, которые иные прекрасные дамы любят накручивать на тонкие пальчики, называя славного юношу Лелем или Адонисом. Нет, это был жесткий каракуль, своенравный и непокорный, подходящий к характеру главы почтовой конторы. Тот был упрям, как осел, и при этом по-бычьему силен. Наверное, стоило бы прекратить высматривать в его образе черты, присущие обитателям скотного двора, но нельзя обойти вниманием ту удивительную статью породистого рысака, за которую в отставного гусара влюблялись встречные-поперечные женщины: дворянки, горничные и прочие модистки. Наличие в его прошлом неприятных страниц — разжалование за дуэль и каторга по убийственной статье — не отталкивало, а напротив, добавляло пикантности и авантюрного шарма.

— Убивец в Москве! — Подросток со стопкой газет на плече вынырнул из подворотни на другой стороне улицы. — КрОВАВАЯ ДРАМА в Нескучном саду! Убивец не щадит никого! Подробности токмо в свежем выпуске «Известий».

Почтмейстер остановился, хотел позвать разносчика свистом, но того успел перехватить дородный купчина.

— Почем торгуешь?

— Две копейки, дядя!

Малец пританцовывал от нетерпения.

— Ишь, две копейки... Бумага дрянная, на самокрутки и то не сгодится. Краска не просохла. Только руки марасть.

— По второму заходу тираж допечатывают. Весь город читает! Один ты жмотишься.

— Ишь, паценок! Ну, твоя правда. Две копейки за кровавые подробности не жалко. Возьму, пожалуй.

Мальчишка бросил монету в нательную кису и побежал дальше, к бульварам, вереща: «Убивец в Москве! Не щадит никого!» Но почтмейстер уже не слушал. Дело столь важное, что даже самые захватывающие новости подождут. Он выскочил на Пречистенку, скользнул взглядом по фасадам аптеки и Политехнического музея, которые обычно игнорировал по причине отменного здоровья, а также отсутствия интереса к науке. Устремился к двухэтажному особняку серого камня. Дом генерала Орлова после смерти хозяина перестроили и сдавали квартиры внаем. Под третьим номером проживал искомый адресат.

Вошел без стука. Дверь не заперта, а форменный мундир и строгие слова «при исполнении» утихомирят всякого, кто позволит себе возмущаться. Но вторжение протеста не вызвало.

Щуплую комнату перегораживал письменный стол. Судя по созвездию чернильных пятен на его суконной поверхности, жилец часто хватался за перо в попытках, писал быстро, стараясь изловить разлетающиеся мысли и поскорее заключить в бумажные листы. Кроме пресс-папье и чернильницы, здесь стояла хрустальная ваза с одиноким яблоком. Из-за стола выглядывала резная спинка немецкого полукресла, а в дальний угол втиснулась оттоманка, обитая черным жаккардом¹ с золотой нитью. В обстановке сквозили достаток и некоторая спесь, а уюта не чувствовалось. Вошедшему гостю и присесть-то некуда, приходится топтаться в дверях. Хозяин на узком диване лежит, словно в гробу, — тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сгла-

¹ Дорогая ткань с крупным рельефным рисунком.

зить, но право же: руки на груди сложены, веки прикрыты...

— Спишь? Так все и проспишь! — бросил почтмейстер от порога. — Сходил бы хоть прогулялся по Пречистенке. Благодатная улица. Такая красота вокруг!

— Красота? Я теперь нигде красоты не вижу.

Квартирант не спеша сел, оправил жилет и пригладил темно-русые вихры. Спал он одетым, не сняв щегольские, но уже стоптанные черные туфли. Сюртук же был презрительно брошен на пол. При этом жилец не выглядел неопрятно — лицо гладко выбрито, одежду недавно чистили. А вот настроение... Нет, не грусть, не тоска и тем более не черная меланхолия. Скорее, задумчивая отрешенность.

— Зря ты, братец! — Усач вытирал испарину. — Красота она везде и когда-нибудь мир спасет. Это мне давеча один знакомый князь втолковывал.

— Наверняка молод твой князь до безобразия, — огрызнулся собеседник, лениво потягиваясь и зевая. — В юности взор и мысль требуют простора, стремятся наружу. С годами начинаешь больше внутрь, в себя поглубже заглядывать да в других людей. Тут красоте и конец.

— Врешь! Ты и сам далеко не старик, годами моложе меня будешь. Разве не замечаешь... Да вот хоть домов красивых вокруг? — Почтмейстер кивнул в сторону окна с отдернутой занавеской. — Или вот. — Он схватил из вазы на столе краснобокое яблоко. — Смотри какое! Наливное, с тонкой кожицей, тепло среднерусского солнца впитало, а пахнет — душа радуется. Опять, скажешь, не красота?!

— Лишь на первый взгляд! Как ты не поймешь... В красивых интерьерах подчас душные и унылые люди живут. Кавтарадзе в том белом особняке — да-да, отсюда колонны видны — жену и дочь голодом уморил. Месяца

не прошло, перевез к себе актрису-француженку. Красота? Или, возьмем пример, отставной штабс-капитан Еропкин открыл картежный притон в доме возле церкви, без тени стыда. Вот что я вижу вокруг. В любом могу разглядеть скрытый яд. И в яблоке твоём заранее предполагаю мерзкого червя, который красоту уничтожит. Не сегодня так вскорости.

— А мне, может случиться, вдвойне милее червяное, — упрямылся почтмейстер. — В нём видится борьба и единство противоположностей. Немецкие философы те ещё словоблуды, но это точно подметили. Чтобы победить зло, нужно признать: оно есть в каждом из нас. Борьба внутри проходит, поэтому красота и необходима, в противовес уродству. Два полюса, ад и рай, чтобы было понятно, от чего бежать, к чему стремиться. И яблоко я тотчас же съем, а ежели найду червяка, то просто выплюну.

С этими словами откусил чуть не половину и захрустел.

— Стало быть, для тебя красота — нечто непременно доброе и близкое к Богу. Обещание вечного блаженства. Тогда поостерегись яблоки грызть, именно за такое обычно из райских кущ выгоняют. Ну, ну, не багровей лицом. Шучу. — Постоялец говорил спокойно, но в его темных глазах сверкнула озорная искорка. — Ты не прав, и немцы твои тоже ошибаются. Человек готов бороться и страдать не во имя красоты, а ради покоя. Стабильности люди ищут. Скучной, серой, неказистой. Как у меня сейчас.

— По своей мерке судишь, — скривился почтмейстер. — Ты из тьмы идешь, значит, для тебя и серость — прогресс. Половина дороги к свету! Но есть люди по своей природе светлые. Они, сколь бы жизнь ни испытывала, с доброго пути не сбиваются.

— А чего рожу морщишь? Яблоко кислое попалось?

— Не то слово! Вырви глаз...

— Бывает. Светлое, душистое, да незрелое. Но мы эдак полдня проспорим о пустом, а ты не с пустыми руками пожаловал.

Почтмейстер хлопнул себя по лбу, причем тем самым кулаком, в котором сжимал письмо. Вышло комично, но не засмеялись. Чересчур грозно смотрелась депеша.

— С петербургским поездом курьер прибыл. Из отделения по охранению общественного порядка, — скороговоркой произнес он. — Привез вот... Печатей казенных не меньше пяти. Внутри, готов спорить на любой заклад, бумага гербовая. Что подозрительно: адресовано на прежнюю фамилию. Ты-то в Москве называешься Мармеладовым, а по документам, с тех времен...

Слова подействовали словно ушат ледяной воды, куда делись сонливость и медлительность. Обрывки конверта пали на сюртук, украшая его причудливыми эполетами.

— Курьер сам порывался идти, требовал адрес. Но я его приложил парой слов да оставил в конторе водку пить с нашими вахлаками, а сам к тебе бегом. Мало ли, какие тучи нависли. По крайности, предупредить... Чтоб успел... Того...

Мармеладов проглатывал письмо, страницу за страницей, шевеля губами.

— Нет, это не то... Да ты садись, Митя! Садись!

Вцепился в ярко-желтые лацканы мундира почтового ведомства и чуть ли не силой усадил гостя на жаккардовый диван. Потом перешел поближе к окошку, взобрался на подоконник.

— Угадал! Бумага гербовая, дорогушая, но совсем ее не жалеет. Пишет размашисто, витиеватым языком, на десять слов одно по существу.

— Кто не жалеет? Кто? — закудахтав бравый почтмейстер, не переставая удивляться столь разительной перемене в настроении друга.

— Порфирий. Я тебе о следственных методах этого гения рассказывал. Психология-с! Правда, в настоящее время он более известен как г-н Н. Ушел из уголовного сыска в политический. Выявляет инакомыслящих, сеет Петербург через мелкое сито.

— Гос-с-споди! А от нас ему что надобно?

Митя бессознательно произнес это «нас», но тут же обрадовался. Бросить друга в трудную минуту — последнее дело. Вместе отбывали сибирскую каторгу, пережили такое, что и вспоминать страшно. На свободу вышли в один день. Иные увидят в этом пустое совпадение, но он решил — это знак и уговорил приятеля ехать в Москву, где благодаря старым полковым связям нашел себе доходное место по почтовому ведомству. А Мармеладов подвизался на литературном поприще. Стал критиком. Талантливым, заметим в скобках, хотя и не в меру язвительным.

— Представь себе, этот корифей сыска взывает о помощи! Слушай, — и, не реагируя на отвисшую челюсть почтмейстера, принялся зачитывать. — «Надо, непременно надо создать охранное отделение и в Москве, и в других городах, в ближайшее время, ибо предчувствую впереди годы грозные и безнравственные. Полиция не справится, она ловит по большей части не Наполеонов, которые позволяют себе через кровь преступить, отправить мораль в обморок с одного удара. Нет, их задача заприметить сотни и тысячи самых обыкновенных людей, переступивших через закон в мелком, в таком, что Наполеону, пожалуй, и в голову не придет, — украсть, оболгать, ребенка невинного в разврат втянуть. Не во имя высокой цели. Такие преступники

не пытаются мир наново обустроить. На мораль даже не замахиваются, не то чтоб ударить, а так, посмеиваются за ее спиной да корысть свою пестуют. Мы же в охранном отделении совсем с другими преступниками сталкиваемся — коварными, изощренными. Зло принимает удивительные формы и отличается чрезвычайной жестокостью, противостоять ему приходится с большим усердием и искусностью. А потому, милостивый государь, нуждаюсь в вашей помощи. Помните, в бытность оную вы измыслили теорию о том, как люди становятся преступниками? Сами ее и проверили, перешагнули через препятствие... Помните? Не сомневаюсь. Вы в ту пору чудовище внутри себя пригрели и выпестовали, признаюсь, сам был изрядно напуган ощущением той немислимой жути, царившей в вашей голове. А после вам удалось пересилить себя и связать этого василиска. Сунули его в мешок, да и бросили в темные воды забвения. Вместе с тем уверен: чутье на подобных чудищ у вас осталось. Это как после оспы, ежели удалось кому пережить, то зараза больше не пристанет, но, с другой стороны, спросят «болеет ли?», и не спрячешься, не соврешь — лицо рябое самым навязчивым манером и выдаст...»

Мармеладов захлебнулся длинными предложениями, перевел дух.

— И подобным образом шесть, нет, семь страниц! — усмехнулся он. — Зато на начальственном месте без своих давнишних «так-с» и «вот-с» научился обходиться. Где самая суть? А, слушай: «Обстоятельства вынуждают меня открыть вам историю чрезвычайно деликатную, тоньше императорского фарфора...» Нет, вздор. Своими словами короче выйдет. В Москве убиты две фрейлины, не из свиты императрицы, а приставленные к Екатерине Михайловне...

— Долгоруковой? — Митя пришел было в себя и сумел перебороть отвисшую челюсть, но снова ахнул.

Про фаворитку Александра Второго не давали официальных сообщений, но историю их любви обсуждали не только на балах да светских приемах, об этом судачили мелкие чины в присутственных местах, приказчики в лавках, торговки на рынке, гимназисты, монахини и нищие на паперти. Вся империя знала: десять лет назад выпускница Института благородных девиц очаровала августейшее сердце. Влюбленные тайно встречались во Франции, прижили двух деток, а с недавнего времени царь-батюшка поселил прекрасную княжну в Зимнем дворце, вместе с незаконнорожденными отпрысками. Официальная супруга, Мария Александровна, делала вид, что не замечает этих отношений.

— Император отправился с женой на воды, в Баден-Баден, об этом неделю назад в «Ведомостях» писали. Княжне неуютно без покровителя: при дворе ей рады не многие. Она заранее увезла детей в Москву, свиту, понятно, взяла с собой. Двух фрейлин зарезали. — Мармеладов сверился с письмом. — В Нескучном саду. Одну по прибытии, другую на третий день. Г-н N не имеет возможности сию минуту заняться расследованием, но уверен: моя консультация будет небесполезна. Посему и заклинает — смотри-ка ты! — безотлагательно встретиться со следователем Хлоповым.

— А вдруг он тебя в этих убийствах подозревает? Готовит ловушку? — нервно заерзал почтмейстер. — Придешь, а этот Хлопов-то и прихлопнет...

— Возникни малейшее сомнение на мой счет, он пришлет не письмо, а взвод жандармов — дверь ломать и руки крутить. Порфирий дважды сложную игру затеять не отважится, тем более речь об особах, приближенных к императору. Психология — заморочка

долгая, муторная, а ему некогда рассусоливать, налицо спешка — курьер, депеша... Г-н N хочет добиться результата в самом скором времени. Вежливо просит встретиться секретным образом, чтобы газеты — он это подчеркнул, гляди-ка, двумя линиями! — ничего не пронюхали.

— Может статься, уже пронюхали! По пути к тебе встретил мальчонку, разносчика. Он горло надрывал, аккурат про убийство и Нескучный сад. А я не купил...

— И ты молчал? — Мармеладов поднял с пола сюртук, надел, даже не пытаясь отряхнуть. — Идем скорее.

— К следователю?

— Еще чего! Мы отправимся в трактир. Там газеты сегодняшние отыщутся, да и обедать пора.

II

Обедали в трактире для извозчиков, притулившемся в проулке за Зубовским бульваром. Почтмейстер оглядел скромную залу, грубо сколоченные лавки, линялые скатерки... Брезгливо вздрогнул и заворчал в усы:

— Не понимаю, братец! Решительно не понимаю. Критикой ты зарабатываешь, положим, рублей сто в месяц. За переводы статей с немецкого и французского — полста. Доходы на уровне надворного советника! Но придет ли надворный советник откушать в такую дыру? Нет. Он отправится к Охотному ряду, будет там, у Тестова¹, уплетать жареных кукушек или молочного поросенка под бутылочку лафита. А ты...

— А что я? — Мармеладов пробирался к свободному краю общего стола, но тут обернулся. — Я сроду не ведал ничего, кроме долгов. Помню хмурые дни, пару

¹ Иван Тестов — московский купец и ресторатор.

медяшек за подкладкой найдешь — и радость. Хватит на сухарь и пиво, дрянное, а при всем том угощение. Откуда мне знать, как правильно деньги тратить? Купил башмаки, не прежние порыжевшие обноски и с целыми каблуками. Сюртук пошил из голландского кастора¹, это тебе не драдедам² какой, по четыре рубля за метр идет. Квартиру нанял удобную, без клопов. Хватит, пожалуй. В этом вопросе я солидарен с Эпикуром: довольствуйся малым, а все остальное — блажь. Зашел я однажды в Патрикеевский³: зеркала, люстры, фарфоровые блюдечки. Вычурно, но невкусно. Не по мне эти галантные угощения — устрицы в меду, пармезанты, лепестки роз в сливках... Баловство и несуразица.

Усевшись на лавку, он щелкнул пальцами, подзывая полового, и продолжил:

— В одном с тобой согласен: советники в этот трактир не заходят. Но с ними и тошно, со скуки померешь — рассуждают про политику да скорую войну с турками. А тутошний народ грубоватый, но веселый — песню споют, байкой потешат. И пища тут простая, зато свежая.

— Трактирщику веришь? — вздохнул Митя, не спеша садиться. — Ох, а рожа у него хитрющая! Я гарантии этакой шельмы в грош не поставлю.

Мармеладов указал на дверь. За наличник, по левую руку от входа, были плотно втиснуты пять кнутов. Посетители, переступая порог, перво-наперво смотрели на них, а после уже крестились на красный угол и шумно приветствовали знакомцев. Кнуты эти, с обмотанными

¹ Шерстяная ткань с коротким ворсом.

² Разновидность дешевого сукна.

³ Большой Патрикеевский трактир — фешенебельный ресторан, располагался на Театральной площади в Москве.

